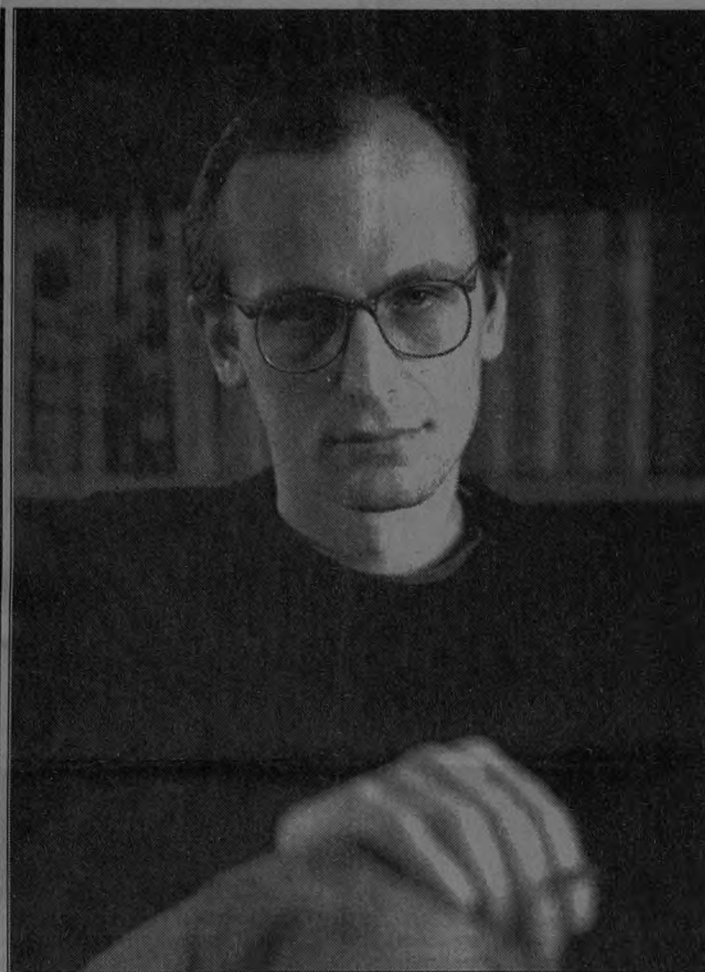

АНТИТЕЛЕВИЗИОННЫЙ ТЕЛЕВИЗИОНЩИК

Александр Гордон не видит перспектив программы «Процесс»

Независимая газета, 2000, 29 апр. — с. 4

Александр Гордон.

Сергей Шаповал

АЛЕКСАНДР, как вы определяете жанр программы «Процесс»?

— Мне кажется, эту передачу должна делать дирекция спортивных программ, а не политического вещания. Это дуэль, причем я бы не назвал ее интеллектуальной. Меня бесит, что в «Процессе» не получается самое главное, ради чего эта программа и была задумана. Должна была появиться довольно циничная передача о методологии создания общественного мнения. Есть два нанятых адвоката, которые искренне и яростно вдалбливают свою точку зрения. Мы, к счастью, лишены чести общения с настоящими денежными мешками, заказывающими музыку, поэтому программа должна быть чистой игрой. Этого как раз и нет. Одна из причин заключается в том, что мою точку зрения на передачу не разделяет Соловьев. Для него это трибуна, где он может искренне защищать свои позиции.

— У вас получается не программа о методологии формирования общественного мнения, а программа, пытающаяся его формировать.

— Я понимаю, что основная задача СМИ — формирование определенной идеологии, и ничего с этим сделать нельзя. Мне эта задача представляется недостойной, я бы не хотел заниматься этим делом. Я все время на телевидении пытался делать антителевизион-

ные программы, которые разрушали бы само представление о том, что такое телевидение. Самый телевизионный из моих проектов — это «Нью-Йорк, Нью-Йорк». А что такое программа «Частный случай»? Сидит человек и в течение пятнадцати минут говорит о необходимости борьбы за чистоту унитазов. Я делал «Частный случай», руководствуясь довольно циничными мотивами: я не был в России восемь лет, мне было интересно, чем живет страна. За полгода я в полной мере узнал это, даже стал экспертом.

— Вам не кажется, что «Процесс» был бы интереснее, если бы выходил в прямом эфире?

— Канал на этом настаивал, но есть две проблемы. Первая заключается в том, что работа в прямом эфире предполагает перечеркивание всей остальной жизни во имя полного посвящения себя программе «Процесс», еженедельный прямой эфир предполагает полную самоотдачу. Во-вторых, на отечественном — мне кажется, и на западном — телевидении нет опыта передачи, где два ведущих, между которыми существует заведомый конфликт, работали бы в прямом эфире. Вот еще реальные проблемы. Человек, как правило, начинает разумно говорить на третьей-четвертой минуте, до этого — естественный зажим, он мямлит и прочее. В монтаже всего этого нет. В монтаже остается два вопроса Соловьева, а он их задал штук тридцать. Свести в прямом эфире и организовать слаженную работу

двух таких разных людей, как мы с Соловьевым, крайне сложно. У меня большой опыт работы в прямом эфире (я начал этим заниматься еще в Америке), у Соловьева такого опыта нет, и он его не приобретает, потому что постоянно настойчиво подчеркивает, что он не профессионал на телевидении. Это, как ему кажется, спасает его от обвинений в журналистской проституции. Тот факт, что передача выходит в записи, лишает нас многих козырей. К нам не идут видные политики, зная, что, во-первых, их речи порежут, а во-вторых, то, что останется, выйдет в эфир через неделю. Калибр гостей уменьшается. К тому же мало кто горит желанием подставить себя под хамство, подковырки и прочее с той или другой стороны, часто возникает ситуация, когда тема уходит в сторону, а эмоции лезут наружу. Например, я знаю, что Починков никогда больше не придет на программу «Процесс», Соловьев сорок минут пытал его, играл ли он рынке ГКО, что он на этом выиграл и так далее, сюжет не имел никакого отношения к теме передачи. Как бы это было в прямом эфире? А фразы типа «вы готовы вылизывать задницу Березовскому»? Все это терпеливо вырезается.

— А какие у вас отношения с Соловьевым в реальности?

— У нас с ним нет никаких отношений вне программы. Я к Соловьеву отношусь совершенно нормально и спокойно, пока он... молчит. У нас абсолютно разные точки зрения на то, что такое хорошо и что такое плохо. Проще говоря, все, что я не люблю, так или иначе сконцентрировано в этом человеке: средний подход к жизни, превознесение всего цивилизационно тупикового, отрицание живых человеческих отношений, тяга к деньгам. Он считает меня представителем дохлой комплексующей интеллигенции, недоучкой, недоумком и так далее. Так что наш конфликт искренен. Слава Богу, в жизни мы с ним не общаемся.

— Каковы перспективы «Процесса»?

— Честно сказать, я не вижу перспектив. По причинам технологическим, о них я сказал. По причинам политическим. Наступает период смягчения классовой борьбы. Когда определится состав правительства, выяснится стратегия Путина, страсти улягутся. А программа эксплуатирует самое дурное в людях — тягу к политике. Наши разговоры о политике не могут решить и сотой доли проблем, это своеобразная

прачечная, где перестирывается грязное политическое белье. Я думаю, необходимость в этой передаче — и для общества, и, главное, для тех, кто заказывает политическую музыку, — вскорости отпадет. Я могу ошибаться, в этом случае я обречен на существование в этой программе еще какое-то время.

— Вас очень тяготит эта программа?

— Я хотел в ней работать, год мы думали над ней, хотели улучшить, это не очень получилось и из-за сложных отношений с Соловьевым, и из-за того, что не все получилось, как было задумано. По-моему, это шаг назад, во всяком случае, в моей биографии. Но я отдаю себе отчет в том, зачем мне эта программа нужна. Вовсе не из-за денег, я без них спокойно могу прожить. Грубо говоря, мне нужно, чтобы меня узнавали менты... Я собираюсь снять художественный фильм, мне нужно собрать большую сумму, с трудом представляю, как это можно сделать, просто придя с улицы.

— А как вы оцениваете реализацию проекта «Собрание заблуждений»?

— Он благополучно подходит к концу. Мы договорились на двадцать пять серий, сделали уже двадцать, готовим к эфиру последние пять. Я доволен процентов на тридцать, если в процентах можно измерить степень удовлетворения. Снова получилась антителевизионная передача. Хотя бы потому, что ее нужно смотреть от начала до конца, а некоторые — лучше два раза. К телевидению это не имеет отношения: человек должен пойти включить чайник, сходить в туалет и прочее. У нас вышло странное сочетание кино и документалистики. Задумывался разговор о заблуждениях как о проявлении человеческой природы: разрушая одно заблуждение, мы тут же волей-неволей создаем другое. Это, по-моему, получилось. Не удалось нам внятный язык, не удалось ограничиться темами, которые по-настоящему меня интересовали, был размен на сюжеты, которые предположительно могли понравиться зрителю, не удалась куча вещей, связанных с киносьемками.

— Ваши нынешние программы должны скоро закончиться, у вас есть перспективы на телевидении?

— У меня есть предварительная договоренность с Константином Эрнстом, что после окончания «Собрания заблуждений» с сентября мы запускаем новую программу под названием «Гордон-

Жуан, или Все, что человек должен знать о женщине». Мне подарили эпиграф из Бунина: «Женщина очень похожа на человека и живет рядом с ним». Исходя из этого, мы и будем делать программу. По жанру это будет что-то вроде «Wild planet» или «Animals», то есть научно-популярный сериал, только вместо того чтобы говорить о жирафах или львах, мы будем говорить о женщинах. У меня накопилось большое количество вопросов по поводу женщин, я попытаюсь с помощью экспертов и собственных наблюдений на них ответить. Это должен быть легкий, чуть-чуть пародийный сериал. Вскорости на канале М1 по пятницам и по понедельникам будет выходить телеверсия моей радиопрограммы «Хмурое утро». Она будет идти параллельно в телэфире и на радио. Сейчас в программе двадцать минут из часа уходит на музыку, рекламу, новости. Это время будет занято маленькими телевизионными программами. Например, программа «Похмелье» в пятницу расскажет, как не нажраться в выходные, а в понедельник, если не нажраться не удалось, даст советы, как лучше опохмелиться. В программе «КПЗ» («Как победить закон») юристы расскажут о незаметных преимуществах наших законов. Получится — хорошо. Не получится — что ж, «поражение от победы ты сам не должен отличать»...

ИЗ ДОСЬЕ «НГ»

Александр Гордон родился в 1964 г. Окончил Театральное училище имени Б.Шукина, год работал в Театре-студии имени Р.Симонова. В 1989 г. эмигрировал в США. Работал в мастерских по ремонту техники, в пиццерии, на «русскоязычном телевидении» в Нью-Йорке. В 1995 г. на канале ТВ-6 начала выходить его программа «Нью-Йорк, Нью-Йорк». В 1997 г. вернулся в Россию. Был автором и ведущим программы «Частный случай» на канале ТВ-6. Сейчас является соведущим программы «Процесс», автором и ведущим сериала «Собрание заблуждений». На радиостанции «Серебряный дождь» ведет программу «Хмурое утро».